

материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4–5 дек. 2003 г. / отв. ред. Н. В. Литвина. – Минск: БГПУ, 2003. – С. 169–171.

7. Тань, Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Аошуан Тань. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.

8. Чжу, Маншу. Исследование развития языка у детей / Маншу Чжу. – Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 1986. – 102 с.

9. Goodman, Mary E. The culture of childhood: child's-eye Views of Society and Culture / Mary E. Goodman. – New York: Teachers College Press, 1970. – 317 p.

*Ван Дань
Белорусский государственный университет
культуры и искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МИФОЛОГЕМ ДОМИНАНТНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ

В гуманитарном дискурсе мифологема интерпретируется как единица мифологического сознания. Данный специфический тип сознания человека характерен преимущественно для архаической стадии развития истории, когда освоение мира первопредками носило иррациональный, метафоричный и мистический характер. Миф являлся отражением явлений природы, борьбы с природой, а также социальной жизни в широких художественных обобщениях. В основе мифа лежала реальная жизнь, а отнюдь не вымыслы, возникшие в головах людей. «В первобытном обществе, – отмечал Е. М. Мелетинский, – мифология представляла основной способ понимания мира, а миф выражал мироощущение и миропонимание эпохи его создания» [1, с. 812]. Следовательно, мифологема является единицей мифологического сознания, которая актуализируется с помощью вербальных и невербальных символов.

Китайские и белорусские мифы символичны. Символизм является результатом невыразительного разделения в мифологическом сознании культурных артефактов предмета и знака, слова и вещи, существа и его имени, предмета и его атрибутов, единого и разнообразного, пространственных и временных соотношений. Мышление субъектов мифа опе-

рирует конкретными, внешними, чувственными качествами предметов. На основе подобия этих качеств два предмета могут восприниматься как тождественные, т. е. абсолютно одинаковые. Конкретные предметы могут становиться символической заменой, знаком других предметов и явлений. Для мифологического мышления белорусов и китайцев постижение одного предмета происходило через характеристику другого. Вследствие этого мифологема представляла конкретные модификации, разные проявления, видоизменения одной и той же сущности, образа.

Так, базовый миф Китая о его особом цивилизационном статусе, формирующий внутреннее единство китайской нации, основывается на особой роли Дракона (Луна) в жизнедеятельности древних китайцев. Именно в мифе о Луне усматривается своеобразие культурной выделенности Поднебесной, которая маркируется совокупностью концептов: «первопредок», «царь» (ванн), «небо» (тянь), «земля» и др. В космогонических представлениях китайцев мифический персонаж Дракона связан с землей. В мифе повествуется, что Лун живет под землей, в колодцах, стережет там клады, знает расположение подземных вод. На пиктограмме он изображен в виде животного с длинным телом и головой, увенчанной рогами. Ли Шичжэнь в «Основных сведениях о фармакологии» (XVI век) приводит описание Луна: «Голова как у верблюда, рога как у оленя, глаза как у зайца, уши как у коровы, шея как у змеи, живот как у морского зверя шэнь, чешуя как у карпа, когти как у ястреба, лапы как у тигра... На спине восемьдесят один шип, полностью девятью девять, как подобает силе ян... под подбородком светящаяся жемчужина, а на голове гора Бошань» [3, с. 416].

С развитием мифологических представлений Лун позже стал мыслиться как воплощение светлой, небесной мужской силы ян и утратил связь с землей как воплощением темного женского начала инь. Реликты древнейшей связи с небом заметны в средневековых преданиях, где дракон часто изображается крылатым существом, повелителем туч, дождя, парящим в облаках или плывущим в волнах и объятый языками пламени – очевидно, символ грозы как слияния неба и земли. В средневековой традиции Лун воспринимался как первопредок некоторых древних племен, а также как прародитель всех зверей и птиц. Образ дракона проник во все сферы жизни китайцев, сохранившись в народных верованиях, в официальном культе, в фольклоре и в виде художественного символа во всех видах искусства. Популярность и устойчивость данного образа, по нашему мнению, вытекает из природных условий Китая, особен-

ностей хозяйственного быта, стойкости древнейших традиций, связана с формированием двух религий на почве местного культурного субстрата.

Исследование белорусской мифологии указывает нам на широкое распространение мифологемы культа змея-дракона также и в архаической белорусской культуре. Многие сходные черты Луна воплощены в Цмоке (Щуде-юде), персонаже белорусской мифологии. Специфика народной культуры белорусов маркируется рядом концептов – «огонь», «вода», «гром», «воздух», «чудовище», «черт» и др. Согласно мифологическим повествованиям, Цмок выделялся огромными размерами. У него аномальное количество громадных голов, которые к тому же имеют способность снова отрастать, будучи отсечены; зубы, как лемеха; когти, как серпы; крылья, как палаши. Он способен передвигаться и по воде, и по земле, и по воздуху [5, с. 126]. Это дает основания видеть в нем воплощение всего первоначального, еще не разделенного, неструктурированного состояния Вселенной, демиургический расклад которого ведет к возникновению всего сущего. Н. Я. Никифоровский считал, что главная его функция – управление водами, поддержание баланса между водами земными и водами небесными [2, с. 40–41]. До христианизации данный персонаж не имел однозначных отрицательных коннотаций. Цмок был главным объектом поклонения. Он никогда не трогал людей семейных, а также добросовестных сельских жителей. Цмок наказывал обычно нарушителей общественных норм. На формирование его отрицательного образа, считает С. М. Санько, повлияла христианская легенда о сражении св. Георгия со страшным драконом, жившим в болоте и пожирившим ежедневно юношей и девушек [4, с. 543].

Отмечая сходство мифологем о драконах и змеях в белорусской и китайской мифологиях, необходимо указать и на определенные различия. В Китае, как более древней цивилизации, первобытный хтонизм был уже изжит, в то время как в более поздней белорусской цивилизации он еще сохранялся продолжительное время. С развитием мифологических воззрений раннеанимистические китайские божества – змеи и драконы – вытеснялись образами антропоморфных богов и культурных героев, которые, в свою очередь, постепенно оттесняются на роли богов местного значения или сосуществуют с образами более поздних богов, наделенных теми же функциями.

В белорусской мифологии некоторые черты в образе Цмока (дракона-змея) являются результатом контаминации с чертами других хтони-

ческих персонажей. Так, в соответствии с отдельными версиями белорусской народной мифологии, Цмок отождествлялся с главным чертом, соединявшим в себе противоположные стихии: огонь и воду. Жил он в основном в болоте, но внутренняя его природа была огненная. В Беларуси основой жизни было земледелие, которое во многом зависело от дождей, рек и озер. Поэтому олицетворение водной стихии осуществлялось в образах змей и Цмока. Данные персонажи были большей частью связаны с урожайностью, землей и водой.

Таким образом, доминантные персонажи белорусской и китайской мифологий выражаются в разных мифологемах. Образы дракона и Цмока являются устойчивым состоянием общественного сознания, общественной психологии предков белорусов и китайцев, в которой зафиксированы эталоны описания существовавшего в архаическое время порядка вещей. В этих и других мифологемах заданы основные отношения между тем, что признавалось в мифологизированном обществе существующим. Важнейшую часть рассмотренных мифологем составляет объяснение того, почему существуют драконы-Цмоки и почему они действуют именно так, а не иначе. Мифологемы фиксировали порядок вещей и служили концептуальным обоснованием поведения субъектов архаической культуры в конкретном социуме.

Литература

1. Мелетинский, Е. М. Общее понятие мифа и мифология / Е. М. Мелетинский // Мифология: ил. энцикл. слов. / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», АО «Норинт», 1996. – 817 с.
2. Никифоровский, Н. Я. Нечистики: свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н. Я. Никифоровский // Виленский временник: в 6 кн. / ред. А. Н. Харузин. – Вильна, 1907. – Кн. 2. – 501 с.
3. Рифтин, Б. Л. Лун / Б. Л. Рифтин // Мифология: ил. энцикл. слов. / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – СПб.: Фонд «Ленингр. галерея»: Норинт, 1996. – 672 с.
4. Санько, С. Цмок. Смок. Чмок. Змей / С. Санько // Беларуская мифалогія: энцыкл. слоўн. / С. Санько [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 645 с.
5. Federowski, M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej / M. Federowski. – Krakow: Panstwowy Instytut Wydawniczy, 1897. – Т. 1. – 753 р.